

© 2016 г.

Н.А. ЖЕРЛИЦЫНА

ВЫХОД РОССИИ В МАГРИБ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II

Внешняя политика России во второй половине XVIII в. отличалась большой активностью, потребности развивающихся промышленности, сельского хозяйства и торговли диктовали необходимость борьбы за новые морские порты и торговые пути. Стремление России развивать торговлю в Средиземноморье побуждало к налаживанию отношений со странами Северной Африки. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в результате Кючук-Кайнарджийского мира торговые суда России впервые получили право свободного плавания по Черному морю и прохода в Средиземное через проливы Босфор и Дарданеллы. Одновременно для коммерческого судоходства всего юга Западной Европы стало доступно Северное Причерноморье. Монополия османских властей и произвол в организации торгового обмена в причерноморской зоне были устранены. Появились реальные перспективы многократного расширения регулярного товарообмена как для стран Причерноморья и Средиземноморья, так и для всего региона в целом.

“Торговля — мое дитя”, — писала Екатерина II. До вступления на престол императрицы “вопрос о торговом судоходстве на Черном море не продвинулся ни на шаг, флот был в самом грустном положении”¹. Уже в начале царствования ее заботило достижение свободы русского судоходства в Черном море. По указу императрицы были выписаны из-за границы моряки и мастера для постройки кораблей и для обучения русских мореходов, каждый пятый человек из матросов должен был быть отпущен на торговые суда.

Во время царствования Екатерины II были предприняты меры, направленные на установление торговых отношений с арабскими средиземноморскими странами. В декрете Сената от 18 ноября 1784 г. говорится, что задача русской дипломатии — “попытаться установить торговые связи с Яффой, Александрией и Египтом, ввиду того, что в этих местах существует большая потребность в большом количестве разнообразных металлических изделиях, гвоздях, сукне, красной русской коже, оконном стекле”, и “мы можем поставлять в Варварию металл и разнообразные металлические изделия, русскую красную кожу, стекло и деревянную утварь”².

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира русское правительство строило широкие планы расширения торговли и мореходства в средиземноморском бассейне. Во второй статье Кючук-Кайнарджийского трактата говорится: “Для выгодностей

Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, ученый секретарь Научного совета по проблемам стран Африки (Москва, Россия).

¹ Теплов В.А. Русские представители в Царьграде. 1496–1891. СПб., 1891, с. 33.

² Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, т. 2, кн. 1. СПб., 1786, с. 533.

и пользы обеих Империй, имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям... Купцам пребывать в областях своих столько времени, сколько интересы их востребуют, и обещают им ту же безопасность и свободу, каковыми прочие дружеских дворов подданные пользуются”³. Статья 12 гласит: “Когда Российский Императорский Двор похочет сделать коммерческие трактаты с Африканскими, то есть Триполитанским, Туниским и Алжирским кантонами, Блистательная Порты обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого Двора намерения, и быть в рассуждении вышереченных кантонов, ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют”⁴.

Ведущей отраслью экономики России было сельское хозяйство, и с конца XVIII в. через черноморские порты начался вывоз хлеба за границу, в основном в западноевропейские страны. Объемы экспорта неуклонно росли, с 1717 по 1801 г. они выросли в 67 раз, Россия стала одним из основных поставщиков хлеба на мировой рынок. Русский морской экспорт в страны Средиземноморья фактически находился в руках греков, для них торговля с Россией была чрезвычайно выгодна. Доля собственно русских купцов в средиземноморской торговле была невелика. Греки пользовались разрешением, выдаваемом в виде патентов – “баратов”, перевозить товары на своих кораблях под русским флагом, что называлось “правом флага”. Екатерина II предоставила князю Г.А. Потемкину право снабжать иностранные суда русским флагом, и он этим широко пользовался. Черноморское адмиралтейское правление получило с 1783 г. право выдавать российские флаги на торговые суда российским подданным, “какого бы народа и закона они ни были” сроком на шесть лет⁵. В 1783 г. посланник России Я.И. Булгаков подписал в столице Османской империи Константинопольский торговый трактат, по которому России предоставлялись права наиболее благоприятствуемой нации, а также подтверждалось право русских купеческих судов свободно проходить через Босфор и Дарданеллы, причем право это распространялось на “все купеческие под российским флагом корабли”⁶.

По Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получила право назначать своих консулов в отдельные пункты Османской империи: “А дабы во всем наблюдаем был добрый порядок, равным образом Блистательная Порты позволяет иметь пребывание Консулам и Вице-Консулам, которых Российская Империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить за благоразсудит, которые будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав Консулами”⁷. В осуществление этого права в Средиземноморье появилась сеть русских генеральных консульств, вице-консульств, их возглавляли как штатные, так и внештатные сотрудники Коллегии иностранных дел – иностранцы и русские. Привлечение на русскую дипломатическую службу иностранных подданных, знающих наиболее распространенные в этом регионе языки – турецкий, французский, итальянский – и знакомых с местным обществом и учреждениями, было распространенным явлением.

Вплоть до начала XX в. Северную Африку, следуя античной традиции, в Европе именовали “Барбарией”, русская форма “Варвария”. Варварийские регентства, Тунис и Алжир, хотя и были фактически независимы от Порты, но формально считались османскими провинциями. Исходя из этого, русское посольство в Турции стало руководящим центром для всех миссий и консульств на Ближнем Востоке и в Магрибе. Именно к русскому послу в Константинополе стекалась вся дипломатическая переписка, относящаяся к российским интересам в странах Северной Африки, в том числе

³ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, с. 29.

⁴ Там же, с. 35.

⁵ Семенов А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год, т. 1–3. СПб., 1859, т. 3, с. 50.

⁶ Там же, с. 51.

⁷ Юзефович Т. Указ. соч., с. 83.

и из Марокко, остававшимся независимым от Османской империи. Поэтому подавляющее большинство дипломатических документов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) времен правления Екатерины II, относящиеся к странам Северной Африки, хранятся в фонде “Сношения России с Турцией”.

В Алжире интересы российских подданных защищал представитель Швеции, в Марокко с 1769 г. обязанности нештатного консула России стал выполнять англичанин Лидс Бут. Известно, что российские власти обращались за услугами к представителю Швеции в Тунисе, Екатерина II в мае 1787 г. одобрила его награждение подарком “за его услуги в делах наших”⁸. Обязанности консула состояли в содействии морякам и негодьям. Европейские консулы и послы, посредники и контрагенты, в соответствии с режимом капитуляций защищали своих соотечественников-негодья от произвола местных властей, от их злоупотреблений и взяточничества. Обобщенный смысл капитуляций на рубеже XVIII–XIX вв. заключался в предоставлении иностранным торговцам наибольшего благоприятствования на торговые операции в портах Османской империи. Консулу приходилось заниматься и улаживанием неизбежных конфликтных ситуаций и имущественных споров вокруг кораблей и грузов. Нередки были и случаи кораблекрушений российских судов. В архиве имеется письмо некоего Ассейна Турко к императрице Екатерине II от 20 января 1792 г., в котором автор сообщает, как проходит его экспедиция, что “он находится теперь в Тунисе по случаю кораблекрушения, претерпленного на пути, предпринятом по его собственным делам; что от сего кораблекрушения чудесным образом едва успел он спасти жизнь свою, и что по сей причине не мог он исполнить желания своего, лично повергнуться к стопам Вашего Императорского Величества”⁹.

По установившемуся порядку консулы должны были напрямую решать с местными властями все возникающие сложности в коммерции и навигации, поэтому они стремились завоевать расположение правителей. Из архивных документов нам известно, что беи Туниса имели любимчиков среди дипломатического корпуса – тех консулов, с которыми они могли откровенно обсудить проблемы и получить ценные советы относительно политики европейских держав. Таким любимчиком бея Хамуды паши (1782–1814 гг.) был голландский консул А. Ниссен, “единственный христианин, который действительно пользуется личным доверием Бея и его премьер-министра”¹⁰. Такая близость к тунисскому двору и возможность влияния на его решения сыграли ключевую роль в разрешении этому консулу представлять в Тунисском регентстве интересы России.

О примерном количестве посещавших порты Северной Африки кораблей под российским флагом можно судить из переписки голландского консула в Тунисе А. Ниссена с посланником России при Высокой Порте Г.А. Строгановым. В 1802 г. Тунис посетили 19 кораблей под российским флагом, в 1803 г. – 13, 1804 г. – 17, в 1805 – 53 судна¹¹. Как правило, со многими капитанами консул был знаком лично, через них он и российский посланник обменивались корреспонденцией, консулы передавали сведения о внутривосточном положении, взаимоотношениях магрибинских стран с соседями и державами. Очевидно, что русскую дипломатию интересовала не только торговля, но и политическое положение в регионе. Так, из реляции посланника в Константинополе Я.И. Булгакова Екатерине II можно узнать подробности заключения перемирия между Венецией и Тунисом в декабре 1785 г. Война Венецианской республики с Тунисом 1784–1785 гг. была вызвана стремлением обуздать варварийское пиратство. Венецианский адмирал Анджело Эмо возглавил морскую операцию, его флот, состоявший из 24 судов, бомбардировал тунисские города Сус, Сфакс, Ля Гуллет и Бизерту. Булгаков докладывал императрице: “Кавалер Эмо бомбардируя причинил

⁸ АВПРИ, ф. 89. Сношения России с Турцией, оп. 8. 1787, д. 293, л. 1.

⁹ Там же, оп. 8. 1792, д. 192, л. 3.

¹⁰ Там же, ф. 180. Посольство в Константинополе, оп. 517(I). 1802, д. 1529, л. 3.

¹¹ Там же, оп. 517(I). 1807, д. 1532, л. 31–36.

там разорение и обывателей привел в страх. Оные собрались, угрожали зажечь дом бея, если он не прекратит несчастья их заключением с венецианцами мира. Адмирал Эмо узнал о сем обстоятельстве, послал бею объяснить, что он не уклоняется от мира, а бей отвечал, что он готов, лишь бы только трактовано было не под дулом оружия. Вследствие чего постановлено между ними перемирие на 40 дней”¹².

Расширение торговли и мореплавания требовало хорошего знания торговых возможностей, портов тех стран, с которыми собирались торговать. Поэтому капитан-лейтенант М.Г. Коковцов, участник Архипелагской экспедиции и Чесменской битвы, и получил в 1776 г. задание посетить Испанию, Алжир и Тунис для ознакомления с местными условиями. Он писал, что его “поощрил” на эту поездку вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И.Г. Чернышев, он “постоянно печется о приобретении полезных приращений для Российского водоходства”¹³. Записки Коковцова, одного из первых русских, кто побывал в странах североафриканского побережья, стали первоклассным источником по истории Алжира и Туниса последней четверти XVIII в.

В Тунисе, несомненно, знали и приветствовали торговые планы Екатерины II. Коковцов в “Описании Архипелага и Варварийского берега...” пишет, что во время аудиенции у бей Али бен Гасана “в разговорах его не трудно было мне приметить истинное его желание к заключению мира с Российской Державою, если на то будет воля ея Императорского Величества”¹⁴. С этими событиями связано и прошение голландского консула в Тунисе А.Г. Ниссена на имя посланника России при Высокой Порте А.С. Стахиева от 18 апреля 1780 г. с предложением своих услуг в качестве представителя интересов России в Тунисе: “Имею честь представиться Вашему Превосходительству, так как узнал, что Ее Величество Императрица повелела вести мирные переговоры с регентствами Варварии, чтобы расширить торговлю своих подданных в Средиземноморье... Осмелюсь умолять Ваше Превосходительство оказать мне честь поддержать перед Ее Императорским Величеством просьбу назначить меня консулом в Тунисе, обязанности которого я обязуюсь исполнять со всей преданностью, старанием и аккуратностью, так же, как я всегда исполнял и продолжаю исполнять обязанности консула Голландии, оказывая всестороннюю поддержку и всевозможное внимание ее подданным, которые занимаются торговлей в этом регионе. Равную заботу получают и подданные Ее Величества”¹⁵.

Фраза консула о том, что “Императрица повелела вести мирные переговоры с регентствами Варварии”, свидетельствует, что в Тунисе знали о марокканско-российских контактах, начавшихся в 1778 г. Они были инициированы желанием султана Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха (1757–1790 гг.) вывести свою страну из политической и торгово-экономической изоляции, характеризовавшей развитие Марокко, начиная с XVI в. Прогрессивный монарх выступал за широкое развитие контактов не только с мусульманскими странами, но и христианскими державами. Европейским консулам в Марокко сообщили, что “отныне его величество предоставляет свободный доступ в свои порты морским судам следующих наций: России, Мальты, Сардинии, Пруссии, Неаполя, Венгрии, Ливорно, Генуи, Германии и Америки”¹⁶. Судам под российским флагом разрешалось пополнять запасы питьевой воды и продовольствия, пользоваться такими же правами, что и корабли других стран. Первые официальные контакты марокканской

¹² Там же, ф. 89. Сношения России с Турцией, оп. 8. 1786, д. 660, л. 1.

¹³ Коковцов М.Г. Достоверные сведения об Альжире. О нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежом. СПб., 1787, с. 46.

¹⁴ Коковцов М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обычаи и нравы их с присовокуплением древней истории, с тремя чертежами. СПб., 1786, с. 89.

¹⁵ АВПРИ, ф. 89. Сношения России с Турцией, оп. 8. 1780, д. 557, л. 36.

¹⁶ Gaillie J. Les accords internationaux du Sultan Sidi Mohammed Ben Abdallah. Maroc, 1960, p. 223.

и российской сторон имели место в 1778 г. в Ливорно. Во время встречи чрезвычайного посланника марокканского султана в Тоскане Мухаммеда бен Абд аль-Малика и командира фрегата “Северный орел” капитана Т.Г. Козлянинова было подтверждено стремление двух стран “соблюдать миролюбие и дружбу”¹⁷. В подтверждение этого Екатерина II предоставила марокканским судам аналогичное право свободного захода в российские порты.

Между двумя монархами установилась прямая переписка: в июле 1778 г. султан Сиди Мухаммед бен Абдаллах направил Екатерине II грамоту с предложением заключить мирный договор. Он выразил готовность принять в Марокко представителя России и заверил, что после заключения договора “ее величества подданным оказаны будут наивеличайшие знаки дружбы, предпочитая их всем прочим народам”¹⁸. Такое доброе отношение со стороны марокканского султана было следствием “уважения, которое государь испытывает по отношению к русской нации”, – писал посланник Мухаммед бен Абд аль-Малик капитану Козлянинову¹⁹. Далее он сообщал, что после установления официальных отношений между двумя странами султан Марокко рассчитывает на взаимовыгодные торговые связи с Россией: “Позвольте мне высказать кое-какие соображения относительно того, чего более всего желал бы мой государь. Это – различное снаряжение, прежде всего канаты, снасти и паруса, а также различного типа вооружения (пушки с лафетами, мортиры, бомбы и т.п.)”²⁰. В переписке монархов 1782 и 1783 гг. Екатерина II и султан Сиди Мухаммед бен Абдаллах еще раз подтвердили соблюдение режима наибольшего благоприятствования в отношении подданных двух государств. Такие шаги навстречу друг другу, безусловно, подготавливали почву для подписания межгосударственного договора. Но начавшаяся в 1787 г. русско-турецкая война приостановила процесс сближения, прервав на время контакты.

Выход России в Средиземноморье, установление первых официальных контактов с властями магрибинских стран пришлось на эпоху, когда варварийское пиратство, существовавшее не одно столетие, все еще представляло определенную силу. Неудивительно, что большая часть архивных материалов этого периода посвящена корсарам Алжира, Туниса и Марокко.

С давних времен до первых десятилетий XIX в. страны Северной Африки контролировали жизненно важные пути международной торговли Средиземноморья посредством значительного флота и грозных пиратских объединений. Беря суда на абордаж, захватывая команду и товары, корсары, разорявшие берега Испании, Сардинии, Сицилии и Неаполя, угрожали морским сообщениям в Средиземноморье. Марокканские корсары, действовавшие в районе Гибралтарского пролива и Атлантики и подчинявшиеся своему султану, внушали страх европейцам тем, что “им достаточно установить в Танжере несколько вооруженных барок, чтобы преградить путь торговым судам в Средиземное море”²¹. Власти Варварийских стран извлекали выгоду не столько от продажи награбленных товаров, сколько от продажи пленных. В столице Туниса существовал специальный рынок рабов – Берка, а на ночь большинство рабов запирали в своего рода государственные тюрьмы – каторжные дома, которых было девять. В начале XVII в. только в столице Алжирского регентства пленников-христиан было 35 тыс., т.е. четверть всех жителей. К 1788 г. число пленников в Алжире

¹⁷ АВПРИ, ф. 89. Сношения России с Турцией, оп. 89/8. 1778, д. 131, л. 44.

¹⁸ Там же, л. 35–37.

¹⁹ Там же, л. 46–48.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, ф. Санкт-Петербург, Главный архив, оп. 8. 1830, д. 17, л. 1–2.

сократилось до 800 человек вследствие мер, предпринимаемых державами. «Флот их, — рассказывает Коковцов в “Описании Архипелага и Варварийского берега...”, — под началом ренегата Али Рейс именуемого, состоит из одного 20-пушечного фрегата, двух 25-весельных галер, четырех маленьких полугалерок, одной шебеки. Они разъезжают около берегов Сардинии, Сицилии, Калабрии, опустошая часто набережные места, берут они в плен тамошних жителей и получают за них выкуп — знатную сумму, а сим одним промыслом большой получают доход, нежели от торговли и художеств»²². Пленники-европейцы старались найти средства на выкуп своей свободы. Цена такого выкупа обычно составляла для мужчины — 300 венецианских цехинов наличными (что равнялось 3600 французских фр.), а для женщины — 600 цехинов (7200 фр.)²³. Бей давал согласие на освобождение пленника за выкуп только после тщательного изучения его дела. За проведение всей операции по выкупу, за внесение договоренной суммы обычно отвечали консулы. Именно они были посредниками между пленником и его соотечественниками за морем.

Даже российским военным морякам приходилось сталкиваться с корсарами Магриба. Когда в 1798 г. по просьбе итальянских властей лейтенант Македонский на бриге “Экспедицион” конвоировал несколько сардинских транспортных судов, ночью у о. Эльбы тунисская пиратская эскадра захватила эти корабли²⁴. Адмирал Ф.Ф. Ушаков направил лейтенанта Македонского в Тунис на том же бриге “Экспедицион” с командой в 20–30 человек. В Тунисе лейтенант был принят беом Хамуда-пашой с должным уважением. Македонский потребовал освободить сардинцев: “Суда сардинцев шли под охраной русского военного судна, следовательно, затронута честь России, а потому должно быть дано удовлетворение, иначе...” — и лейтенант сделал жест в сторону моря, как бы говоря: “Иначе ждите в гости самого адмирала”. У бея не было желания близко знакомиться с Ушаком-пашой (так в Османской империи называли знаменитого адмирала), который за несколько лет до этого, в конце русско-турецкой войны 1787–1791 гг., уничтожил почти все отборные тунисские суда. Пленные были освобождены без всякого выкупа, что противоречило обычаям тунисцев. Правда, суда так и не были возвращены.

В другом случае, имевшем место в апреле 1799 г., Ф.Ф. Ушаков направил письмо своему союзнику, турецкому адмиралу Кадыр-бею: “Граф Мусин-Пушкин-Брюс, российский полномочный двора его императорского величества министр, пребывающий в Палермо при его неапольском величестве, уведомляет, что две тунисские крейсера в водах острова Фано, встретив лодку, которая послана была от нас с курьером в город Бриндичи к маркизу де-Галлю и для свободного ее пропуску туда и обратно дан был от меня и от вашего правительства паспорт. Между захваченными находился российской императорской службы капитан Андрей Никацо, следующий ко мне на Корфу. Крейсера, не взирая на паспорт, захватили лодку и, отобрав все имущество, людей взяли в плен и отвезли с собой в Тунис. Императорский агент, в Тунисе пребывающий, узнав о несчастье нашего офицера, многим старанием его из-под караула освободил, но в рассуждении имущества, присвоенного раисами (капитанами пиратских кораблей. — Н.Ж.), не оказано ему надлежащего удовольствия. Покорнейше прошу благоволить отписать бею в Тунис и напомнить о договорах и трактатах наших... А также известить всех других раисов, чтобы в рассуждении союза нашего с Блистательной Портою

²² Коковцов М.Г. Описание Архипелага..., с. 90.

²³ Marcel J.J. Histoire de Tunis. Paris, 1851, p. 125.

²⁴ Снегирев В.Л. Русский флот в Средиземном море (1798–1800). М., 1944, с. 30.

чинили бы за нашими паспортами соответствие: судов в плен не брали, обид никаких им не наносили, в противном случае и с ними поступлено будет соответственно”²⁵.

В 1792–1798 гг. среднее количество выходов тунисских корсаров в море в год доходило до 57. Так, например, из проекта рескрипта Екатерины II чрезвычайному посланнику и полномочному министру России при Высокой Порте Я.И. Булгакову от 9 февраля 1786 г. известно, что тунисские корсары захватили российскую купеческую полаху “Святая Доротея”²⁶. И хотя судно было вскоре освобождено, российское правительство не захотело оставить “дерзость тунисцев” безнаказанной и потребовало от Порты “скорого и удовлетворительного поправления случившемуся беспорядку”. Претензии России основывались на статье 61 Торгового трактата и содержали требование “воздержания от Порты на будущее время тунисцев и других им подобных африканских корсаров от всякого прикосновения к нашему торговому флагу... иначе всякую африканских корсаров дерзость будем мы ставить на счет самой Порты и требовать от нее полного и безоговорочного удовлетворения”. Действительно, все договоры России с Османской империей, начиная с Кючук-Кайнарджийского трактата 1774 г., обязательно содержали статьи, предусматривающие ответственность Порты за варварийское пиратство: “Удовлетворение за убытки, причиненные подданным и купцам российским корсарами Правительств Алжирского, Тунисского и Триполитанского, и вообще точное исполнение постановлений Торгового Трактата входят в число неперменных обязанностей Блистательной Порты. Блистательная Порта употребит все надлежащие меры для отнятия у корсаров Правительств варварийских возможностей, под каким бы то ни было предлогом, беспокоивать российскую торговлю или мореплавание, в случае же какого-либо с их стороны грабительства, она обязуется, чтобы после получения о том известия, все, что будет взято оными корсарами, было без малейшей потери времени возвращаемо... если же фирман Блистательной Порты не будет исполняем, то она обязана заплатить всю сумму вознаграждения из своей Императорской казны в течение двух месяцев”²⁷.

В текст мирного договора в Яссах после русско-турецкой войны 1791 г. была внесена специальная статья, гарантирующая возмещение убытков русским купцам, пострадавшим от корсаров. Именно на этом документе были основаны претензии шведского консула в Алжире, представлявшего там российские интересы, когда в 1794 г. алжирские корсары захватили судно под российским флагом “Агнета-Элизабет”. Консул потребовал от алжирского дея освобождения команды из 15 человек и груза, и дею пришлось уступить²⁸.

В отношении корсаров Алжира и Туниса Россия решала проблему защиты своих судов на двусторонней основе с Османской Портой. Но для того, чтобы гарантировать российским торговым судам возмещение убытков от нападений и грабежей марокканских корсаров требовалось заключить договор с султаном Марокко. На необходимость юридически урегулировать российско-марокканские отношения неоднократно указывали российские дипломаты. Так, поверенный в делах во Флоренции А.М. Горчаков докладывал управляющему МИД Х.А. Ливену: “Положение наших соглашений с Портой, гарантирующих нам возмещение убытков за потери, которые несет наша торговля в Средиземном море вследствие варварских грабежей, не имеют никакой силы в Марокканской империи, которая никогда не признавала верховенства турецкого султана”²⁹. “Императорский флот в этих краях часто не защищен от мало почтительных встреч, а определенное число российских кораблей уже были незаконно захвачены корсарами Марокко... кроме того, корсары этой страны

²⁵ Адмирал Ушаков. Документы, т. 2. М., 1952, с. 479.

²⁶ АВПРИ, ф. 89. Сношения России с Турцией, оп. 8. 1786, д. 666, л. 8–9.

²⁷ Семенов А.В. Указ. соч., т. 3, с. 73.

²⁸ Мусатова Т.Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990, с. 31.

²⁹ АВПРИ, ф. Санкт-Петербург, Главный архив, оп. 8. 1830, д. 17, л. 1–2.

поднимаются иной раз на вершину рокового мыса и могут легко перекрыть Гибралтарский пролив”, — так мотивировалась позиция сторонников установления между двумя странами официальных отношений³⁰. Но более насущные и близкие проблемы отвлекали Петербург от решения этой задачи. Благоприятный момент наступит уже при наследниках императрицы.

Таким образом, именно в екатерининскую эпоху были заложены основы двусторонних отношений России со странами Северной Африки. Победы русского оружия в войнах с Турцией обеспечили империю правом свободного плавания по Черному морю, выходом в Средиземное, а оттуда через Гибралтарский пролив — в Атлантический океан. В экономическом плане это означало многократное расширение международной торговли страны. На этом этапе российско-магрибинских отношений приоритет имела именно экономическая составляющая: учреждение российских нештатных консульств в странах региона имело целью защитить интересы моряков-негоциантов, торговавших в Средиземноморье под российским флагом. Установление контактов, в том числе и на самом высоком уровне — между монархами России и Марокко — свидетельствовало об общем росте международного авторитета России прежде всего как великой морской державы. Дружественные российско-магрибинские контакты екатерининской эпохи создали предпосылки для последующего развития отношений уже не только в торговой сфере, но и в политическом и культурном плане.

³⁰ Там же, ф. Канцелярия, оп. 469. 1830, д. 81, л. 134.